

РОССИЯ И МИР

ВООБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА / ПРОСТРАНСТВО ВООБРАЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
9–10 ОКТЯБРЯ 2025

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

РОССИЯ И МИР
ВООБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА
/
ПРОСТРАНСТВО ВООБРАЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА, 9–10 ОКТЯБРЯ 2025 ГОДА

ПРЕПРИНТ

МОСКВА 2025

Р76 Россия и мир: Воображение пространства / пространство воображения. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 9–10 октября 2025 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. Препринт. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2025. — 75 с.

В сборнике помещены материалы междисциплинарной научной конференции «Россия и мир: Воображение пространства / Пространство воображения» (Москва, 9–10 октября 2025 г.). В представленных на конференции докладах в методологическом, теоретическом и прикладном аспектах рассмотрены исторически обусловленные способы репрезентации пространства (воспринимаемого и воображаемого) и ключевая роль воображения в концептуализации пространства России как ее резидентами, так и внешними наблюдателями.

Научное издание

© Д.Н. Замятин, общая редакция, составление, 2025
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Институт всеобщей истории РАН, 2025
© Высшая школа экономики, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В.А. АБАШЕВ, А.В. ФИРСОВА</i>	
Геокосмическое воображение Урала в визуальном искусстве конца XIX – начала XX века.....	7
<i>Д.С. БЫЛЬЕВА</i>	
Россия как пространство для компьютерных игр.....	10
<i>И.А. ГОЛОВНЁВ</i>	
«Киноатлас СССР» (1920–1930-е гг.).....	18
<i>Е.В. ГОЛОВНЁВА</i>	
Визуализация «религиозного ландшафта» СССР: Научные поиски и кинематографическая репрезентация в 1920–1930-е годы.....	19
<i>Г.В. ГОРНОВА</i>	
Воображая горожанина: Городская идентичность в пространстве памяти и представлений.....	21
<i>Т.Н. ДЖАКСОН</i>	
Древняя Русь и Восточная Европа в исландских сагах: О специфике концептуализации пространства в сагах разных видов.....	23
<i>О.Э. ДОБЖАНСКАЯ</i>	
Звуковые образы шаманских миров и природных ландшафтов: Аудиальные модели воображения у коренных народов Таймыра.....	25
<i>А.А. ЕРЁМЕНКО</i>	
Пространственный поворот в Евразии: От Іваніва до Пепперштейна.....	27
<i>Л.С. ЖИРНОВА</i>	
Россия как значимый Другой: Анализ геополитического дискурса латышской карикатуры.....	29

<i>Д.Н. ЗАМЯТИН</i>	
Вообразить Россию: К становлению геокультур и метагеографий Северной Евразии.....	30
<i>В.Н. КАЛУЦКОВ</i>	
О литературных пейзажах России.....	32
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Первые образы Руси в средневековой исламской геокартографии.....	35
<i>Ф.С. КОРАНДЕЙ</i>	
Лингвистические ландшафты новостроек.....	37
<i>О.А. ЛАВРЕНОВА</i>	
Образ России в творчестве Рерихов.....	39
<i>Е.А. МЕЛЬНИКОВА</i>	
От реального пространства к вымышленному.....	41
<i>И.И. МИТИН</i>	
Периферийность vs. привлекательность: Воображение пространства, конструирование мест и (не)значимость новых территорий на локальном, национальном и глобальном уровнях.....	44
<i>И.Ю. ОКУНЕВ</i>	
Ментальная карта мира И. Гюбнера 1693 года и ее роль в возникновении понятия «политическая география»....	46
<i>О.В. ОКУНЕВА</i>	
Способы изображения пространства отдельно взятого региона в романе Экулидеса да Куньи «Сертаны, или война в Канудусе» (1901).....	48
<i>А.В. ПОДОСИНОВ</i>	
Европейская Скифия и Скифия Азиатская в представлении Александра Македонского в Самарканде: Геополитическая концепция vs. реальная ситуация.....	50
<i>С.М. ПРОКОПОВА, С.Г. КРАВЧУК, С.А. СВЕРДЛОВ</i>	
Архитектурная среда арктического города: Экспертные репрезентации и обживание пространства.....	52

<i>Е.Н. РОМАНОВА</i>	
Топосы холодного мира: Воображения пространства в молодежных выставках <i>Science Art</i>	54
<i>Н.А. СМЕРНОВ</i>	
Доминантное географическое воображение в российском искусстве.....	56
<i>Е.И. СПЕШИЛОВА</i>	
Воображая Великий Новгород: История и современность.....	58
<i>Ю.В. СТЕПАНОВА</i>	
Ржевские тудовляне: Образы и пространство локальной группы.....	60
<i>М.Ю. ТИМОФЕЕВ</i>	
Воображая патриархальные малые города. Случай Ивановской области.....	62
<i>Н.Г. ФЕДОТОВА</i>	
Воображаемые границы современного города.....	64
<i>А.К. ШАБУНИНА</i>	
Образ российского промышленного города в английских газетах 1850–1880-х годов.....	66
<i>Г.В. ШПАК</i>	
Игры с пространством: Конструирование образа России в британских играх раннего Нового времени.....	68
<i>А.С. ЩАВЕЛЕВ</i>	
Модели имажинарной географии древнерусской литературы XI–XII веков.....	69
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	72

В.А. АБАШЕВ, А.В. ФИРСОВА

ГЕОКОСМИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ УРАЛА В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В истории художественного освоения Урала этап «сборки» образа региона происходит в 1880–90 годах: в очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка и В.И. Немировича-Данченко, в живописных полотнах П.П. Верещагина, В.Г. Казанцева и А.М. Васнецова и их репродукциях в журналах и видовых почтовых открытках.

Особую роль в формировании визуального и концептуального образа региона сыграл тогда живописец и ювелир Алексей Кузьмич Денисов-Уральский (1864–1926). Денисов был одной из колоритнейших фигур уральского просвещения. Движимый идеями родиноведения, он полагал, что житель каждой губернии, а особенно человек творческий и предприимчивый, обязан исследовать малую родину, ее географическую, историко-этнографическую специфику, хозяйственно-экономический потенциал. Его собственная жизнь была подчинена такой стратегии, а творческая деятельность одушевлена сознанием миссии открыть России Урал. Одним из главных орудий этой миссии стала живопись.

Потомственный камнерез, Денисов прошел путь от мастера «рельефных» изображений («наборных» картин и горок минералов) до автора ювелирных работ, конкурирующих с изделиями К. Фаберже. За красотой камня, ему виделся эпический образ Урала и его недр, хранящих богатства. Стремление художественно воплотить эту творческую интенцию привело его в Рисовальную школу при Император-

ском обществе поощрения художеств, где он получил профессиональное образование.

Своеобразие живописных работ Денисова определяется панорамным разворачиванием ландшафта, взглядом с высоты птичьего полета, с вершины горы, и даже с воображаемых космических высот: увидеть так, «если бы мы <...> могли взлететь на высоту 5,6 тысяч верст и пронестись над Уральским хребтом». Эта особенность видения, которую отметили уже современники, может быть определена как *геокосмическое изображение Урала*. Денисов в своих полотнах сочетает видение планетарного масштаба Урала с движением его теллурических стихий. Геокосмическое изображение пространства у Денисова перекликается с мотивами космизма в живописи М.К. Чурлёниса, Н.К. Рериха, в работах которых равновелики были образы макро- и микрокосма. Геокосмическое изображение Денисова, опиралось на традиционные приемы пейзажной живописи, но меняло ракурс восприятия — главными становились принципы панорамного видения и объем разворачивающегося пространства.

Цикл созданных Денисовым живописных работ был представлен на выставках: «Живопись Урала» (1901 г, Пермь), «Урал и его богатства» (1902 г, 1911 г, Петербург). Выставка была задумана как сложное экспозиционное пространство, включала картины, коллекции минералов и горных пород, ювелирные изделия, мастер-классы, иммерсивные приемы теплового и светового воздействия. В живописных работах была представлена панорама Урала — в отдельных его видах и в целом, охват горного массива одним взглядом, с севера на юг, в воображаемом путешествии.

Выставка сопровождалась «кураторским текстом» — комментариями автора к изображаемому и описание географии региона в целом. Они дошли до нас в Обзоре ко Второй выставке. В 1911 году художник предлагает нам вообразить Урал так, словно мы наблюдаем его из космоса.

Живопись А.К. Денисова повлияла на восприятие Урала в массовом сознании. Его картины были популярны среди издателей. Они репродуцировались в журналах для массового читателя «Нива», «Север» и «Иллюстрированное всемирное обозрение», а также широко распространялись в почто-

вых открытках. Его картины репродуцировались в печатне С.М. Прокудина-Горского и издательской группе «Общины святой Евгении». Созданные художником грандиозные образы горного Урала входили в общий культурный оборот, влияя на восприятие региона.

Д.С. БЫЛЬЕВА

РОССИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Видеоигры составляют сегодня важную часть воображаемого, транслируя определенные образы, желания и угрозы в виде мультимодальных образов, с которыми игрок может вступать в интерактивное взаимодействие. Несмотря на то, что возможности выбора в символическом мире игр заведомо ограничены разработчиками (более или менее строго в зависимости от того является ли мир открытым, сюжет линейным и т.п.), игрок часто способен погружаться в происходящее, ассоциируя себя с персонажем.

При этом игры занимают достаточно большую нишу в современной культуре не только потому, что игроки составляют большую часть взрослого населения планеты, но и потому что слова, символы, изображения, важнейшие образы и сюжеты распространяются широко за пределы непосредственного игрового сообщества (Амосов 2024; Khaibulova, Kozina 2024).

Определенные идеи, правила и нормы игры поэтому составляют некую естественную часть игрового погружения, игрок должен либо признать их, либо отказаться от игрового мира, выйдя из игры.

Таким образом, игры обладают широчайшими способностями по созданию альтернативных реальностей, альтернативной истории, воплощению определенных идей и образов. Однако подобные возможности тесно связаны с наиболее существенной для игроков частью — геймплеем с захватывающим сюжетом, нескучными приключениями, продуманной боевой системой, атмосферным видеорядом и графической составляющей и т.д. Ради оригинальной захватыва-

вающей игры игроки готовы принять странные образы и логику.

В последние несколько лет отечественные авторы (как инди-компании, так и серьезные фирмы) создали ряд игр, в которых используются образы России в различные исторические периоды. Рассмотрим некоторые из них:

- **Indika** (2024) от Odd Meter и 11 bit studios показывает Россию конца XIX века. Игра идет от лица монашки, которой нужно не только бороться с дьяволом, но и таскать картошку, набирать воду в колодце, участвовать в церковной службе. Духовная борьба происходит в антураже мартовских заснеженных церквей, кладбищ (Илл. 1), деревень, пустых и полуразрушенных заводов и станций.

Илл. 1. Игра Indika (2024)

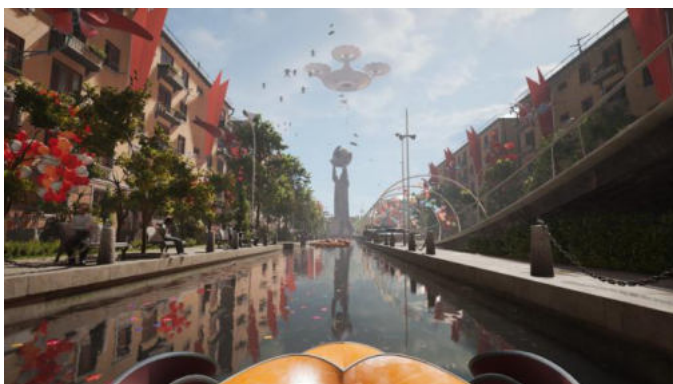
- **Смуга** (2024) от Cyberia Nova, посвященная Московской Руси 1598–1613 гг., содержит красивые пейзажи и интерьеры древней Руси (Илл. 2), антуражные костюмы. В ходе сюжета протагонист стремится попасть в ополчение, встречая на пути исторических персонажей Кузьму Минина

и Дмитрия Пожарского, Лжедмитрия II, Михаила Федоровича Романова, Сигизмунда III и других.

Илл. 2. Игра «Смута» (2024)

• **Atomic Heart** (2023) от Mundfish представляет собой альтернативный 1955 в более технически развитом СССР (Илл. 3), где проблемой является восстание роботов и возможность всеобщего объединения людей и машин во всемирную единую сеть.

Илл. 3. Игра Atomic Heart (2023)

- **Русы против ящеров** (2023) от theBratans представляет собой максимально альтернативный исторический сеттинг, где древние русы, проложившие великий торговый путь в Африку и крестившие динозавров, вынуждены сопротивляться набегам ящеров с Атлантиды. Россия представлена деревянными домиками, лесами и крепостями, окруженными частоколом, и музыкой. Игра находится настолько далеко за пределами здравого смысла, что сложно поддается оценке.

- **Кужлевка** (2023) от Callback посвящена прилету исполняющих желания инопланетян в российскую глубинку 1990-х (Илл. 4). Игра выполнена нелинейно в стиле визуальной новеллы, а главный герой, ветеран советско-японской войны, должен выбирать, кому позволить загадать желания и разобраться со своими воспоминаниями.

Илл. 4. Игра «Кужлевка» (2023)

- **Torn Away** (2023) от Perelesoq посвящена Великой Отечественной войне, однако это отнюдь не традиционный шутер. Протагонист — девочка, которая бежит из немецкого концлагеря и через леса пытается вернуться домой, в Ленинград (Илл. 5).

Илл. 5. Игра Torn Away (2023)

Даже несколько представленных игр показывают, насколько разнообразны могут быть образы нашей страны, сюжетные решения, главные герои. Существуют определенные визуальные маркеры, которые призваны дать однозначное представление о том, что игра происходит в России. Можно выделить, во-первых, «древний» (или естественный) визуальный нарратив, обращающийся к характерным силуэтам церквей, деревянного зодчества, пространствам лесов и полей, тянущихся до горизонта и т.п., во-вторых, советский/постсоветский (урбанизированный) нарратив, который может как ограничиваться стандартной панельной застройкой с характерными дворами и детскими площадками, так и высвечивать более ярко определенные детали и черты — красные полотнища, памятники, специфические архитектурные сооружения и технические устройства. Интересно, что большинство авторов игр про Россию создает неоднозначный сюжет в духе философских или иронических поисков смысла и корней у Ф.М. Достоевского, братьев Стругацких или Д. Хармса и выбирает моментом повествования эпохи накануне или во время ключевых событий истории страны, заставляющих людей проявить свою подлинную сущность. Хотя игры не включают нарочитого этического нарратива — например, подсчета очков морали (Mustafaev 2024),

однако поднимают вопросы, заставляющие игрока задуматься. Из описанных игр только **Atomic Heart** может быть признан несомненным успехом, тем не менее даже смешанный и отрицательный опыт дает возможность его использовать для дальнейшего продвижения в отображении России в игровом воображаемом.

В представленных выше играх пространство представляет собой прежде всего бэкграунд, создающий определенную атмосферу, а также некоторую часть выделенных объектов пространства, с которыми можно взаимодействовать, однако пространство может быть и более условным — в виде карты. В частности, для игр жанра стратегий это может быть карта, имеющая сходство с реальной политической картой мира в определенный исторический период, которая становится замысловатой доской для взаимодействия, чаще всего для сражений. Например, в игре **Revolution Under Siege** военные действия (пошаговые бои) происходят на карте Российской империи 1918 года (Илл. 6).

Илл. 6. Игра Revolution Under Siege (2010)

Помимо исключительно военных стратегий существуют игры, где на картах можно развивать культуру, науку, технологии. Соответственно взаимодействие с пространством подразумевает строительство городов, дорог, торговых пу-

тей и т.п. Например, в **Civilization VI** (2016) игра за Россию позволяет строить города в тундре, быстро расширять города, получать дополнительные пространства для городов с Лаврой (Илл. 7). При наличии торговых маршрутов к более развитым цивилизациями быстрее развивается наука и культура.

Илл. 7. Игра Civilization VI (2016)

В целом, пространство играет важную роль в компьютерных играх, давая представление о мире игры и логике взаимодействия с ним. Пространство позволяет быстро сформировать общее впечатление и является одной из ключевых характеристик, формирующих индивидуальность образа игры. При этом одной из ключевых черт пространства России в играх является его колоссальный объем, в каком бы виде оно не представлялось: необъятные тянущиеся до горизонта поля и леса, длинные, сложные маршруты или глобальные карты.

БИБЛИОГРАФИЯ

Амосов Н.В. Особенности взаимодействия языка компьютерной игры и образа мира играющего // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 494–497.

Khaibullova M., Kozina A. Gaming Slang: The Influence of Video Games on the Russian Language // Technol. Lang. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 60–74.

Mustafaev E. F Philosophical Analysis of Moral Choices in the Game The Witcher 3: Wild Hunt // Technol. Lang. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 153–168.

И.А. ГОЛОВНЁВ

«КИНОАТЛАС СССР» (1920–1930-е гг.)

В докладе на материалах межведомственного государственного проекта «Киноатлас СССР», предполагавшего создание 150-серийного экранного альманаха о народах и регионах страны, будет рассматриваться опыт конструирования и позиционирования визуальных образов многонародного и разноукладного Советского Союза. Анализируя архивные документы и свидетельства современников, автор проследит эволюцию проекта в связи с параллельными процессами в науке, культуре и идеологии. Будет обращено внимание на выбор локаций для съемок серий альманаха и особенности репрезентации природных и этнокультурных ландшафтов — с особым фокусом на дальневосточных и северных примерах — в контексте визуальной культуры богатого на научно-творческие эксперименты постреволюционного периода. Вместе с тем, будет показано, что серии большого советского киноатласа, отражали силуэты витиеватого курса социалистического нациестроительства. Фильмы 1920-х годов представляли союз освобожденных революцией народов как этнически пеструю конфедерацию. Кинокартины 1930-х годов, верставшиеся по единой сценарной матрице, концентрировали внимание аудитории на прогрессивной унификации, происходившей при советизации культур страны — национальных по форме и социалистических по содержанию.

Е.В. ГОЛОВНЁВА

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ «РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА» СССР

**НАУЧНЫЕ ПОИСКИ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ**

Исследование поддержано грантом РНФ, проект № 25-28-00277

Доклад посвящен проблеме визуального картографирования религиозного ландшафта СССР, предпринятого учеными ленинградской религиоведческой школы в 1920–1930-е годы. Разработка картографического дискурса в этот период, с одной стороны, позволяла представить разнообразие и специфику религиозных ландшафтов молодого советского государства, с другой стороны, была направлена на формирование единой реальности, объединяющей различные этно-конфессиональные группы в «визуальный атлас конфессий СССР». К выполнению этой задачи в период «социалистической реконструкции» подключилось как академическое сообщество, разрабатывавшее методологические вопросы визуализации «живых религий» (научная секция Н.М. Маторина в Ленинграде), так и советский «киноглаз» в лице профессиональных кинематографистов, развивавших особый жанр в сегменте просветительского кино о народах и культурах в СССР в 1920–1930-х гг. — советский антирелигиозный фильм. Исследовательские экспедиции, оставившие научное описание различных конфессий Союза, и их визуальная репрезентация кинематографистами явились условием формирования сопостранственных картографий, хотя не коррелирующих полностью друг с другом, но, тем не менее, особенным образом воображающих картину религиозного и предложивших язык ее описания. Так, с помощью

«киноглаза», как наиболее эффективного в раннесоветский период инструмента визуального освоения пространства, возник картографический ассамбляж, включающий в себя, помимо визуального *православного* религиозного ландшафта, *пространство исламской культуры* (кинокартины «Айна», «Гость из Мекки», «Гюлли», «Дочь святого», «Джалъма», «Земля жаждет», «Закон гор», «Именем бога», «Из-под сводов мечети», «Комета», «Намус», «Под властью адата», «Третья жена муллы», «Угудзиара», «Чадра», «Именем бога»); пространство *ламаизма* (фильмы «Потомок Чингиз-хана», «Разбитые боги»; *шаманизма* («Игденбу», «Каан-Керадэ»); пространство *иудейской культуры* («Бунт бабушек», «Его превосходительство»), *католичества и лютеранства* («Вор», «Голубой экспресс», «Овод», «Праздник св. Иоргена»). В настоящее время обращение к проблематике визуализации религиозных ландшафтов СССР, развернувшейся в научной и кинематографической среде в 1920–1930-х гг., в том числе, позволяет по-новому осмыслить вопрос о конструировании визуальных образов различных конфессий в (анти) религиозный период советской истории.

Г.В. Горнова

ВООБРАЖАЯ ГОРОЖАНИНА

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Городская идентичность как синтез идентичности города и идентичности горожанина существует не только в реальном пространстве, но и в пространстве представлений, в пространстве воображения. Идентичность города, понимаемая как его уникальность, непохожесть на другие города, наполненность смыслами, сохраняется объективированными формами городской культуры (городскими идеалами, мифами и метафорами) в экзистенциальной парадигме города.

Феноменология воображения способствует формированию идентичности горожанина как устойчивого представления человека о себе как о жителе именно этого города. В конструировании собственной идентичности горожанин соотносит себя не только с воображаемым сообществом, но и с воображаемым пространством. В структуре городской идентичности процесс воображения оказывает влияние на все ее компоненты: когнитивный, аффективный, ценностно-смысловой и практический.

На индивидуальном уровне в темпоральном измерении городской идентичности — воспоминания о прошлом и представления о будущем конструируются воображением в актуальном настоящем и репрезентируются в нарративах, формируя позитивную или негативную городскую идентичность, что влияет на поведенческие практики горожан. На материалах исследования идентичности Омска и Кемеровы будут показаны формы позитивной и негативной городской идентичности, роль воображаемого в формировании

аффективного регистра идентичности и представлений горожан о самих себе, а также их оценки жизненных стратегий как удачных или неудачных, что находит свое выражение в практическом компоненте городской идентичности: в решениях о том, чтобы оставаться жить в этом городе или покинуть его.

Т.Н. ДЖАКСОН

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ИСЛАНДСКИХ САГАХ

О СПЕЦИФИКЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В САГАХ РАЗНЫХ ВИДОВ

Как полагают историки, обращающиеся к материалу исландских саг, учет их видового деления совершенно необходим, ибо характер содержащихся в сагах сведений напрямую связан с типом источника. Самая распространенная схема, основанная на тематико-хронологическом принципе, выделяет «королевские саги», или «саги о норвежских конунгах», посвященные истории Норвегии с древнейших времен до конца XIII в.; «родовые саги», или «саги об исландцах», описывающие историю исландских родов с момента заселения Исландии в конце IX в.; «саги о епископах» — жизнеописания исландских епископов; комплекс саг о событиях в Исландии в XII–XIII вв., известный под названием *Sturlunga saga* («Сага о Стурлунгах»); «саги о древних временах Северных земель» — повествования о событиях в Скандинавии до конца IX в.; «рыцарские саги переводные» (в основном это переводы французских куртуазных романов); «рыцарские саги местные» (близкие к переводным по сюжетике, но сочиненные в Исландии); жизнеописания святых; псевдо-исторические саги, представляющие собой переводы исторической и псевдоисторической литературы.

По моим предварительным наблюдениям, саги разных под-жанров по-разному изображают географическое пространство, на котором развиваются описываемые в них события. Если авторы королевских саг, претендующие на написание достоверной истории и частично (пусть даже из

вторых рук) владеющие реальной информацией, порой вынуждены выстраивать свою текстуальную карту, заменяя недостаток нужных им сведений, вымыслом, логическими построениями и использованием стереотипных локаций, то карта авторов саг о древних временах и местных рыцарских саг не соответствует реальности уже в значительной степени — она является творением образованных исландцев, которые творчески переработали накопившиеся в Исландии географические сведения о далеких землях. В докладе будет представлено сопоставление сведений о Восточной Европе, и Древней Руси, в частности, в исландских сагах разных видов с целью выявления способов репрезентации пространства и роли воображения в его концептуализации.

О.Э. ДОБЖАНСКАЯ

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ ШАМАНСКИХ МИРОВ И ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ

**АУДИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВОООБРАЖЕНИЯ
У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ТАЙМЫРА**

В докладе развиваются идеи звучащего ландшафта Арктики — этномузыковедческой концепции, созданной в результате работы Лаборатории геокультурных исследований Арктики Арктического государственного института культуры и искусств. Обсуждаются примеры интонационно-акустического восприятия таймырскими нганасанами окружающей местности (тундрового ландшафта) и сакральных пространств шаманского ритуала.

Традиционное жилище жителей Таймыра (чум из шестов и оленьих шкур с дымовым отверстием наверху) не изолирует человека от звуковой среды. Находясь внутри чума, человек слышит окружающие звуки и посредством звука может прекрасно «видеть» то, что происходит снаружи: приближающийся санный поезд, летящих птиц, идущую за дровами женщину, играющих детей. Эти любопытные ситуации, когда звуки «рождают» зрительные образы (а не наоборот) зафиксированы в опубликованных фольклорных текстах, полевых материалах автора. Отметим, что звук в холодном воздухе многократно усиливается, и далеко распространяется на ровном открытом пространстве тундры.

В шаманском ритуале звучание бубна, пение шамана и помощников, сигналы звуковых орудий играют огромную роль, так как аудиальный канал является основным для передачи сакральной информации. Этнографы описывали у обских угров и селькупов «камлание в темном чуме»,

в котором в условиях полной темноты люди становились участниками сакральных событий, могли слышать голоса шаманских духов и ясно представляли себе все происходящее. В шаманских обрядах самодийских народов определенные напевы являются персональными мелодиями-лейтмотивами шаманских духов (отметим, что иные — кроме аудиальных — проявления шаманских духов не известны), а благодаря текстовым, мелодическим, ритмическим, тембровым, инструментальным средствам участники обряда понимают сюжет и содержание ритуала.

Доклад основан на материалах полевых исследований автора 1980–2020-х годов.

А.А. ЕРЁМЕНКО

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ В ЕВРАЗИИ

ОТ ИВАНИВА ДО ПЕППЕРШТЕЙНА

*Работа выполнена в рамках проекта
Российского государственного гуманитарного университета
«Современная историческая культура: исследования и практики»
(конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)*

В последние десятилетия концепция локальных текстов и воспроизводящих их пространств (*space turn*) обрела множество уточняющих ракурсов, варьирующихся от относительно нейтрального структурализма и до политизированного деколонизализма. Обозначенные направления имеют дело с воображением как диспозитивом социальных процессов, выраженных не буквально, но через образы, в том числе географические. География играет одну из основополагающих ролей в мышлении и концептуализации мыслей, чему посвящена программная работа Жюль Делёза и Феликса Гваттари «Что такое философия», а попытки философии уйти от связи с идеологизированным разумом облачаются в метафору мореплавания, как продемонстрировал Жиль Греле (однако, его жест радикальнее — философ сменил место жительства, перебравшись с земли на корабль). Таким образом художественное произведение с акцентуацией на географии сталкивает воображение историческое и его социальные предпосылки с воображением географическим, коренящимся в опыте жизни на определенном материальном ландшафте. В такой оптике предлагаются к рассмотрению два текста, мало связанные между собой в историко-литературном смысле: роман Павла Пепперштейна «Стран-

ствия по таборам и монастырям» (2014) и стихотворение Виктора Іваніва «Песнь об Айше». В случае романа воображаемыми пространствами выступают таборы и монастыри — в авторской интерпретации так называются военизированные режимные образования и религиозные секты, маркирующие формы объединения людей на основе власти, а фигуры цыгана и религиозного лидера зашифровывают в себе опыт советского человека, потерявшего дом и ищущего новый сакральный ориентир. Будучи представителем московского концептуализма, Пепперштейн превращает художественно-аналитический метод в масштабное романное повествование, что может быть обусловлено спецификой выбранного предмета рефлексии — судьбы целой страны. В стихотворении Іваніва воображаемое пространство Азии лишено географического простора, ожидаемого из авторского названия, что коррелирует констатации лишения этого места своего индигенного языка («Но татарский нежный небесный девичий язык я забыл», «все они не знают шаманских слов и никто их не знает») и попыткой поэта произвести рекосмогонию доколониальной Азии, в том числе Сибири, через длинные строки перечислений культурных и языковых артефактов. Два произведения демонстрируют разные стратегии воплощения неразрывности географического воображения от исторического воображения — через воплощение отсутствующего присутствия истории (СССР у Пепперштейна и сибирские народы у Іваніва) в сознании современного обитателя описываемых в этих текстах мест.

Л.С. Жирнова

РОССИЯ КАК ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ

АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЛАТЫШСКОЙ КАРИКАТУРЫ

В докладе рассматриваются особенности и техники передачи образа России в латышской газетной карикатуре на материалах четырёх общенациональных газет Латвии, обобщённых за период с осени 2016 по осень 2017 года. Хотя прошло более тридцати лет с распада СССР, попытки дистанцироваться от России и от советского прошлого в целом продолжают являться одним из ключевых мотивов в латвийском общественно-политическом дискурсе. Интересным воплощением этого дискурса являются карикатуры, которые ежедневно появляются в латышских газетах и отражают все ключевые события, обсуждаемые в стране. Карикатуры — это разновидность поликодового дискурса, совмещающего элементы вербального кода с изображениями, что позволяет задействовать более разнообразные приёмы для передачи замысла автора, однако затрудняет систематизацию материала. Россия остаётся одним из основных значимых Других в латвийском политическом сознании. В докладе представлен обзор и частотный анализ основных контекстов и характеристик России в рассматриваемом массиве карикатур геополитического характера и сравнение этого образа с образами остальных значимых Других, изображаемых в карикатурах.

Д.Н. ЗАМЯТИН

ВООБРАЗИТЬ РОССИЮ

К СТАНОВЛЕНИЮ ГЕОКУЛЬТУР И МЕТАГЕОГРАФИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Евразийский дискурс в современной России обладает достаточно устоявшимися топосами и концептуальными основаниями, восходящими преимущественно к корпусу ключевых работ евразийцев 1920-1930-х годов. Несмотря на серьёзные содержательные различия в когнитивных установках (включая критическое отношение к наследию евразийцев), большая часть исследователей ориентирована, как правило, на уже достаточно давно сложившиеся особенности методологического и теоретического аппарата в этой области. Несомненно также, что основные проекции евразийских идеологических и научных установок ориентированы главным образом на политические, геополитические, экономические, геоэкономические, а иногда и на социальные и культурные аспекты данной проблематики. Наконец, понятие Большой Евразии, довольно популярное в сфере прикладных геополитических и геоэкономических штудий, также, вполне очевидно, восходит к основополагающим работам евразийцев — естественно, с поправками на современные глобальные реалии.

Если Северная Евразия и её территориальное ядро — Россия — по сути, объект нашего исследования, то предмет — геокультуры и метагеографии данного макрорегиона в процессе их становления, чем до сих пор никто практически не занимался. Новый подход даёт возможность увидеть иные аспекты и контексты привычной евразийской тематики и в то же время углубиться в фундаментальную, в том числе онтологическую проблематику формирования евра-

зийской феноменологии. Кроме того, понятие планетарности в приложении к геокультурным и метагеографическим образам становления Северной Евразии позволяет более системно или комплексно осмыслить значимость макрорегиона в развитии планетарных образов Земли в целом.

Речь здесь — о разработке нового методологического инструментария, с помощью которого можно будет исследовать проблемы глубинных трансформаций планетарных макрорегионов со своей геокультурной и метагеографической спецификой, со своими дискурсивными сопостранственностями, способствующими созданию тех или иных трансграничных картографий воображения. Северная Евразия в данном случае — крайне интересное и своеобразное геокультурное и геоисторическое поле, аккумулирующее в себе мощный и в то же время очень сложный трансграничный потенциал. Вообразить Россию в этом контексте означает найти наиболее важные и эффективные пути расширения её геокультурного и метагеографического пространства, позволяющего в конечном счёте отождествить Россию и Северную Евразию, хотя в когнитивном плане можно говорить, скорее, о геостратегии бесконечного приближения к условно идеальному образу Северной Евразии — постоянно меняющемуся и трансформирующемуся в своих ментальных и геокультурных очертаниях.

В докладе Северная Евразия будет представлена как когнитивное поле для методологических инноваций и одновременно как сложный геокультурный ассамбляж. Будет охарактеризована специфика геокультурного развития Северной Евразии, а также проанализированы в первом приближении геокультурные сопостранственности и метагеографические структуры этого макрорегиона. Особое внимание будет уделено становлению трансграничных геокультурных картографий воображения Северной Евразии.

В.Н. КАЛУЦКОВ

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕЙЗАЖАХ РОССИИ

Теоретические представления о литературном пейзаже. Литературный пейзаж относится к своеобразному типу географических образов. В Литературном энциклопедическом словаре приводится определение литературного пейзажа как описания «любого незамкнутого пространства внешнего мира» (Пейзаж 1987). Более компактное определение пейзажа в литературе предлагает в Толковый словарь Д.Н. Ушакова: «описание природы в литературном произведении» (Пейзаж 1939).

В русском языке и культуре довольно долго пейзаж и ландшафт рассматривались как синонимы и трактовались с позиции живописи, а именно: как видопись, вид природы, картина местности, сельский вид (Даль 1882). Как видим, современные словари утратили такие важные для нашего исследования контексты понимания пейзажа как «картина местности» и «сельский вид».

И в литературе, и в живописи пейзаж представляет собой *художественное, или «картинное», описание природы* (Пигарев 1972). Ю.Г. Тютюнник назвал литературные пейзажи *образами-картинами* (Тютюнник 2021).

При всем разнообразии пейзажных стилей пейзажное видение мира означает вертикальный тип восприятия окружающего пространства, охватывающий относительно небольшую территорию — всего несколько километров. *Пейзажные образы* — это *визуальные образы ближнего мира*, ограниченные *взглядом и воображением автора*.

Вместе с тем подобные определения не учитывают важный геокультурный аспект. И в литературе, и в живописи (от Брейгеля и Констебля до Шишкина и Поленова) пейзаж-

ные репрезентации изображают преимущественно не природный, а сельский, **деревенский ландшафт**, где наряду с природой представлены особенности национальной или региональной культуры — архитектура, жители и их занятия, уголья, домашние животные.

Творческая деятельность некоторых российских художников, например, А.А. Борисова, С.Г. Писахова, Г.И. Гуркина, действительно связана с изображением «дикой природы» удаленных уголков России. Но все же ареал творчества большей части русских передвижников и художников советского времени охватывает хорошо освоенную среднюю полосу России с сильно окультуренными ландшафтами

На это обстоятельство обращает внимание Е.Ю. Колбовский, отмечая взаимосвязь национального культурного ландшафта и национального пейзажа (Колбовский 2004).

Итак, **под литературным пейзажем** понимается **литературная картина местности, изображающая традиционный деревенский ландшафт** с характерными особенностями национальной природы и культуры.

Вербальные маркеры пейзажей в литературе. Одни вербальные маркеры — слова **картина, вид, панорама**, которые регулярно встречается в подобных литературных текстах, отражают генетическую связь литературных пейзажей с пейзажами живописными.

Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Деревня» при описании вида из Михайловского («Везде передо мной подвижные **картины**») или «картина» окружающего ландшафта окрестностей Карабихи у Н.А. Некрасова в поэме «Дедушка» («**Рад, что я вижу картину, / Милую с детства глазам**»). Другой пример: в «Записках охотника» автор регулярно использует такой маркер как вид «Вы взобрались на гору ... Какой **вид!**». В кавказских произведениях М.Ю. Лермонтова автор использует такой пейзажный маркер, как панорама: «И точно, такую **панораму** вряд ли, где еще удастся мне увидеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой....».

Нередко можно встретить термин **ландшафт**, имея в виду, что ландшафт и пейзаж литераторами, как правило, воспринимались как синонимы: «Места вокруг Тарусы поис-

тине прелестны. ... Прекрасный **ландшафт** есть дело государственной важности и что он должен охраняться законом».

Другие вербальные маркеры связаны с местом восприятия литературного пейзажа. Наиболее широко распространенные места обзора окрестностей: **окно** или **крыльцо дома, высокий берег реки, гора**. Например, у Тургенева: «Пошли степные места. Глянешь с **горы** — какой вид!» или у Пушкина «... А ныне погляди в **окно** / Под голубыми небесами...».

Примеры региональных литературных пейзажей.
Из произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Паустовского и других.

И.Г. Коновалова

ПЕРВЫЕ ОБРАЗЫ РУСИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ГЕОКАРТОГРАФИИ

Как формируется представление о пространстве другой страны? Один из способов нам демонстрирует средневековая исламская геокартография, которая позволяет проследить как зарождение образа Руси, так и его эволюцию.

Хронологически первое пространство, маркированное в исламских источниках как «русское», — это путь купцов-русов из Восточной Европы в Багдад, описание которого имеется в книге Ибн Хордадбега (IX в.). Реальные географические черты этот путь обретает только на участке Нижняя Волга — Каспийское море — Багдад, в то время как начало пути теряется у «самых отдаленных земель славян», расположенных неизвестно где.

Второй образ Руси содержится в сочинении Ибн Русте (начало X в.) и ряда других арабских и персидских авторов X–XVI вв. Они говорят о месте обитания русов на некоем «острове», пространственное положение которого обрисовано исключительно через внешние маркеры — Булгар и Хазаран, куда русы приезжают для торговли.

Третий образ принадлежит первому арабскому путешественнику по Восточной Европе Ибн Фадлану (20-е гг. X в.), который видел купцов-русов в Булгаре, то есть за пределами собственно «русской» территории, и описал их обычаи, главным образом, погребальные.

Наконец, четвертый образ — это рассказ о трех группах русов в сочинениях ученых так называемой «классической школы» арабских географов ал-Истахри и Ибн Хаукала (оба

— середина – вторая половина X в.). Эти авторы называют главные города каждой группы русов, местоположение которых определяется либо по отношению друг к другу, либо через внешний маркер (Булгар), что делает весьма проблематичной их локализацию.

Сочинения ал-Истахри и Ибн Хаукала содержат также карты — круглую карту мира и набор региональных карт, соответствующих разделам сочинений. Сведения о Руси находятся в разделе, посвященном описанию Каспийского моря, но на карте к данному разделу русы не помечены. Они показаны только на карте мира, где этнотопоним *ар-рус* нанесен к северу от волжских булгар.

Таким образом, в IX–X вв. в исламской геокартографии Русь показана через пути, соединяющие ее с внешним миром, и в какой-то мере — через этнографические детали, при этом точное место обитания русов так и осталось неизвестным исламским авторам. Они демонстрируют чисто функциональный подход к характеристике народа и его территории — в поле их зрения попадает только значимая для них информация, связанная с номенклатурой товаров, поставляемых русами на внешний рынок (прежде всего, на Ближний Восток), и с логистикой их торговых путей.

Ф.С. КОРАНДЕЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ НОВОСТРОЕК

Исследования лингвистического ландшафта как расположенных на поверхности земли языковых объектов, обозначающих публичное пространство (Kallen 2023: xiv), как правило, посвящены социолингвистическим аспектам такой коммуникации, в частности, как в известной работе, конструированию позиций новых конкретных социальных групп (Yurchak 2000: 412–413). С этой точки зрения интересен такой относительно новый феномен как девелоперский нейминг зданий и жилых комплексов, первые опыты которого относятся ко временам «капиталистического романтизма» (Веретенников, Малышев, Семенов 2025: 57–67), а массовое появление на улицах российских городов — к середине первого десятилетия XXI в. (Голомидова и др. 2023: 16). Новые городские панорамы начала 2020-х гг., как правило, имеют имена, способные рассказать о силах, формирующих эти капиталистические ландшафты воображения.

Исследования нейминга домов, выполняемые на материале корпусов таких названий, в том числе проводимые внутри самой домостроительной индустрии, позволяют сделать важные выводы о маркетинговой прагматике этого явления, связанного с артикуляцией нацеленных на определенную целевую аудиторию позитивных «сценариев жизни», ценностей, характерных для саморепрезентации самих девелоперских компаний. В моем докладе, построенном на материале полевых исследований 2024–2025 гг., я бы хотел сосредоточиться на «производственных» аспектах формирования лингвистических ландшафтов современного города, прежде всего на том, как связаны в практиках девелопмента

специфика рыночного позиционирования домов с их местоположением, как соотносится практика девелоперского нейминга с практиками, характерными для муниципальной топонимики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Веретенников Д., Малышев Г., Семенов А.* Круги капрома. Екатеринбург: TATLIN, 2025. С. 56–67.
- Голомидова М.В., Разумов Р.В., Дмитриева А.В.* Городская топонимия: современная политика и практика именования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023.
- Kallen J.L.* Linguistic landscapes: a sociolinguistic approach. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2023.
- Linguistic Landscape in the City* / Ed. by E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni. Bristol: Multilingual Matters, 2010.
- Yurchak A.* Privatize your name: Symbolic work in a post-Soviet linguistic market // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. Vol. 4 (3). P. 406–434.

О.А. ЛАВРЕНОВА

ОБРАЗ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РЕРИХОВ

Творчество семьи Рерихов, путешествовавших по миру и долгое время проживавших в Индии, всегда было обращено к России. Образ России в творчестве Н.К. Рериха занимает особое место, отражая глубокую связь художника с родной землёй и её духовным наследием. Он был одним из первых, кто в художественном и литературном наследии обратился к дохристианскому прошлому. Художник и мыслитель предпринял экспедицию по древнерусским городам и создал их визуальные образы, а также обратил внимание на небрежение к древнерусской христианской архитектуре и призывал сохранять наследие.

Рерих видел Россию не только как географическое пространство, но и как воплощение высоких идеалов, соединяющих прошлое, настоящее и будущее. В его картинах, таких как «Гонец» или «Город строят», оживают древнерусские пейзажи, наполненные символикой и мистическим светом. Художник воспевал красоту русской природы, величие старинных храмов и монастырей, подчёркивая их роль как хранителей духовной мудрости. Рерих верил в особую миссию России, считая её мостом между Востоком и Западом, страной, способной объединить материальное и духовное начала. Его творчество пронизано идеей «Святой Руси» — образа, в котором переплетаются история, культура и вера. Через искусство Рерих стремился передать миру уникальность русской души и её потенциал для грядущего духовного возрождения.

Особое место России отводилось и в философском наследии Е.И. Рерих и в философско-литературных очерках Н.К. Ре-

риха. Россия рассматривалась как Новая страна, потенциально богатая возможностями. Подчеркивалось значение Сибири и Алтая. Важной темой была философия духовной Общины, которая по мнению Рерихов, могла бы претвориться в советской России.

Творчество Рерихов остается источником идей для изучения русской культуры и истории. Их мысли о духовной миссии России могут быть актуальны в контексте поиска национальной идентичности.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА

ОТ РЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА К ВЫМЫШЛЕННОМУ

Деятельность скандинавов в Восточной Европе, прежде всего военная, широко отразилась в исландских сагах, повествующих о норвежских конунгах X–XI вв. (королевских сагах) и о заселении и ранней истории Исландии до 1030-х гг. (родовые саги). Первые записываются (создаются) с конца XII в. по середину XIII в., вторые – с середины XIII в. В этих видах саг, основанных на устной традиции, восходящей к X–XI вв., северо-запад Восточной Европы предстает своим, хорошо знакомым и освоенным пространством, которое получает собственно скандинавское наименование *Garðar*, как и важнейшие поселения региона: торгово-ремесленный центр Ладога (*Aldeigjuborg*) и центр власти на Городище под Новгородом, а затем и сам Новгород (*Hólmgarðr*). Сюда к Владимиру и Ярославу прибывают отряды воинов, чтобы поступить к ним на службу, бегут потерпевшие поражение в борьбе за власть норвежские конунги, в Ладогу и Новгород приезжают торговцы. Через «Гарды» путь ведет в богатую Византию и на Передний Восток. Это реальное пространство, доступное для любого искателя славы и включенное в ментальную карту скандинава. После смерти Ярослава Мудрого (1054) этот поток постепенно сокращается, и в XII в. продолжают сохраняться торговые отношения, но уже на государственном и регламентированном уровне.

В конце XII в. в Исландии появляется еще один вид саг — викингские саги, но их бурное развитие приходится на вторую половину XIII–XIV век. Они повествуют о странствиях героя в поисках славы, богатства и королевства. Время действия в этих сагах приурочено к эпохе викингов, а географи-

ческий фон составляют земли, которые посещались и на которых расселялись скандинавы в IX–X вв. Их сюжеты составляет набор стереотипных мотивов: приключения молодого викинга, поединки с другими викингами, сватовство и испытания героя, приобретение им «королевства» в результате или брака с дочерью старика-короля или победы над королем и завоевание его владений. Географическое пространство викингских саг условно, герои легко перемещаются из Англии или Франкии в Гардарики и обратно, какие-либо топографические приметы отсутствуют. Тем не менее, есть существенная разница в репрезентации западно- и восточноевропейского пространства. Первое и в родовых и королевских сагах было скорее сценой, на которой совершали подвиги герои-скандинавы, нежели реальным пространством, и таковой остались в сагах о викингах. Реальные же Гарды этих видов саг трансформировались в викингских сагах в воображаемую территорию, на которой разыгрывается сюжет саги.

Исходным и главным фактором переосмысления восточноевропейского пространства было его «очуждение» в условиях прекращения массовых, спонтанных контактов, превращение его из «своего» в нейтральное и лежащее вне скандинавского мира, если не в полностью «чужое». Оно наделялось новыми, несвойственными «своему», но типичными для «чужого» пространства качествами: неопределенными протяженностью и расстояниями, отсутствием топографических ориентиров; общей враждебностью (неблагоприятные погодные условия; герою преграждают путь чудовища, которых он должен победить), насыщенностью магическими явлениями. На это пространство переносились представления о крайних пределах ойкумены, населенных великанами и колдунами, и в нем была возможна встреча героя с Одином в облики одноглазого старика в широкополой шляпе или с карликом, излечившим героя от смертельной раны.

Вместе с тем, в восточноевропейском вымышленном пространстве викингских саг, в отличие от Англии или Франкии, мифолого-сказочная фантастика смыкается с унаследованными от эпохи викингов реальными знаниями об этом

регионе. Главными его центрами остаются Альдейгьюборг (Старая Ладога) и подчиненный ему Алаборг (предположительно Олонец). Альдейгьюборг — цель борьбы героя с правителем города, преемником которого тем или иным путем становится герой саги. Вымышленное пространство квази-реально, как квазиисторична сюжетика саг, основные мотивы которой отражают разнообразную деятельность скандинавов в Гардах эпохи викингов.

И.И. Митин

ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ VS. ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

**ВООБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА, КОНСТРУИРОВАНИЕ
МЕСТ И (НЕ)ЗНАЧИМОСТЬ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА
ЛОКАЛЬНОМ, НАЦИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЯХ**

Воображение пространства — ключевой процесс формирования означенных и осмысленных мест, множественных смыслов, конституирующих культурные ландшафты. Значения локальных точек притяжения на ограниченной территории определяют её узнаваемость, известность и, следовательно, возможности формирования общих ценностей населяющих территорию жителей и посещающих её туристов. Центро-периферийные теории указывают на однонаправленную поляризацию пространства, формируемую в результате процессов воображения, осмысления и означивания пространства: от (пере)насыщенного смыслами центра к бедной или вовсе лишённой значений периферии.

Переход к множественности пространственных смыслов открывает возможность для реинтерпретации пространства, символического конструирования множественных значений мест и постановки вопроса о возможностях намеренного конструирования смыслов периферии. Воспринимаемая как непривлекательная, ненужная, незначимая, периферия подвержена процессам символического присвоения, включения или невключения в жизненное пространство, присвоение или намеренный отказ от присвоения, отграничение или отказ от принадлежности и территориального самоотождествления.

Воображение пространства представляется как процесс символического производства территориальной идентичности на всех масштабных уровнях. На локальном уровне речь идёт о культурно-географическом освоении и присвоении городской периферии и формировании включённых или невключённых в городскую ткань новых районов как своеобразных экзополисов. На национальном уровне воображение пространства вовлекает геополитические процессы отграничения Своего и Чужого, выступает своеобразным ключом к формированию общих ценностей и, напротив, образа Другого, приводя к соответствующим множественным территориальным разграничениям в контексте деглобализации геополитики. Наконец, на глобальном уровне можно говорить о процессе семиотизации геополитического пространства, формировании (не)значимости и (не)центральности и конструировании новых и новых множественных способов реинтерпретации иерархических систем баланса сил.

Взгляд на новые территории как подверженные описанным процессам воображения, освоения и присвоения или, напротив, избегания, позволяет рассмотреть периферию как своеобразный и устроенный по принципиально отличающимся от воображаемого Центра законам культурный ландшафт.

И.Ю. ОКУНЕВ

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА МИРА И. ГЮБНЕРА 1693 ГОДА И ЕЕ РОЛЬ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ»

Немецкий географ Иоганн Гюбнер (1668–1731) издал в 1693 г. в Лейпциге книгу *Kurtze Fragen aus der alten und neuen Geographie* (Краткие вопросы по старой и новой географии), которая потом много раз переиздавалась и была переведена на многие европейские языки, что и послужило быстрому распространению понятия «политическая география» сразу во все ведущие научные школы континента. Парадокс заключается в том, что Гюбнер ни разу этот термин в печатных трудах не употребил. Но в немецком издании книги Гюбнера присутствует ментальная карта мира, представляющая символические изображения континентов, стран и городов. Это удивительная аллегория политической географии, ведь в ней реки История, Генеалогия и География впадают в реку Политику, которая держит свои воды в город Тихополис (город удачи [судьбы] по-древнегречески) в стране Пантотопии. Попытка создания ментальной карты пространства научной дисциплины, предпринятая Гюбнером для географической науки, является уникальным явлением для своего времени. Именно эта смелая попытка аналитического расщепления содержания дисциплины позволила Гюбнеру впервые в науке сформулировать, что «Земной круг состоит из математического (созданного учеными), натурального (созданного природой) и политического (созданного властителями или политиками) разделений». Этим его учебник отличался от множества подобных описаний стран мира и космографий,

выходивших в то время, а в последующем его предложение легло в основу выделения в географии субдисциплин — математической, физической и политической географии. Уже в 1730-е годы в России в Петербургской Академии наук появились первые в мире учебники отдельно по физической (Г. Крафт) и политической географии (Х.Н. фон Винсгейм).

О.В. ОКУНЕВА

**СПОСОБЫ
ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА
ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО РЕГИОНА
В РОМАНЕ ЭУКЛИДЕСА ДА КУНЬИ
«СЕРТАНЫ, ИЛИ ВОЙНА В КАНУДУСЕ»
(1901)**

В докладе будет рассмотрено то, как в весьма далёкой от России территориально, но схожей с ней размахом и разнообразием пространства стране — Бразилии — автор, ставший в дальнейшем классиком бразильской литературы, решал вопрос о способах передачи своеобразия одного из регионов его родной страны: своеобразии ландшафта, климата и тесно связанное (в представлении автора) с данными физико-географическими особенностями своеобразии населения этого края. Речь идёт о сертанах — внутренних засушливых областях северо-востока Бразилии, решительно непохожих на то, как обычно представляют Бразилию.

Автор использует для их изображения целый арсенал стилистических средств, хотя формально его роман — достаточно подробный документальный репортаж о так называемой «войне в Канудусе» (восстании против только что провозглашённой в Бразилии Республики). Сам Эуклидес да Кунья — журналист столичной газеты (столица в тот момент находилась в городе Рио-де-Жанейро), посланный освещать события за тысячи километров оттуда, в малоизвестном и малоизвестном краю. Начав как репортёр, Эуклидес да Кунья вскоре пересмотрел собственную задачу, сделав своей миссией не столько отчёт о кампании, сколько

объяснение столичной публике непонятной ей психологии
восставших через описание своеобразия породившей их
земли.

А.В. Подосинов

**ЕВРОПЕЙСКАЯ СКИФИЯ
И СКИФИЯ АЗИАТСКАЯ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
В САМАРКАНДЕ**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
VS. РЕАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ**

Завоевав в 329 г. до н.э. Центральную Азию (Бактрию и Хорезм), Александр Македонский вышел на реку Сырдарью, за которой обитали скифы-номады. Славящиеся своей непобедимостью скифы, как и другие окраинные народы (кельты, эфиопы, инды) со времен персидского царя Дария, пытавшегося завоевать Европейскую Скифию, всегда были «провокацией» для правителей, претендовавших повелевать «всем миром». Так как Александр видел себя таким повелителем, но не имел возможности подчинить себе Скифию (он собирался завоевывать Индию), контакт с ними в районе теперешнего Самарканда (а с местными скифами ему пришлось вести боевые действия) представился ему и его окружению замечательным поводом заявить и об этом подвиге македонца. Река Сырдарья (в античности Яксарт) была объявлена Танаисом (совр. Дон), который традиционно выступал границей между Европой и Азией, а за Танаисом-Сырдарьей кочевые скифы — те самые скифы, которые жили в Северном Причерноморье. Античные историки походов Александра рассказывали много подробностей этой встречи царя со скифами, например, о его победе над ними, о посольстве скифов к Александру с рассказом о том, как они грани-

чат с Фракией, и с обещанием выдать за него дочь скифского царя, о посылке к скифам своего посланника с целью «посетить скифов, живущих на берегах Боспора (= Керченского пролива)» (Курций Руф). Итак, за Сырдарьей начиналась Европа. Чтобы аргументировать эту географическую нелепость, пришлось Каспийское море объявить Азовским (в него ведь впадает Танаис-Дон), центральноазиатские горы — Кавказом и т.д. Но уже в античности эта нелепость была распознана и правильно интерпретирована. Так, Страбон в конце I в. до н.э. писал, что все это было придумано в угоду тщеславию Александра (XI, 7, 4): «Ввиду того что река Танаис, по всеобщему признанию, отделяет Азию от Европы и что область между морем и Танаисом, составляющая значительную часть Азии, не была подвластна македонянам, решились пуститься на хитрость: показать, что Александр (по крайней мере в народной молве) покорил также и эту страну». Так в интересах геополитики и пропаганды создавались воображаемые пространства, тиражировавшиеся затем много веков.

С.М. ПРОКОПОВА, С.Г. КРАВЧУК, С.А. СВЕРДЛОВ

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА АРКТИЧЕСКОГО ГОРОДА

ЭКСПЕРТНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ОБЖИВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Доклад представит промежуточные результаты исследования формирования архитектурной среды арктических городов России, проводимого в рамках гранта РНФ (№ 24-28-01426). Фокус презентации — на сравнительном анализе восприятия городской среды экспертами (архитекторами, градостроителями, участвующими в проектах дизайна городов российской Арктики в виде мастер-планов или индивидуальных проектов) и пользователями (местными жителями). Для анализа экспертной позиции в рамках проекта были проведены формализованные экспертные интервью с архитекторами, имеющими опыт проектирования для условий арктических городов. Анализ позиции местных жителей основан на полевом исследовании в городах Новый Уренгой и Тарко-Сале (ЯНАО), где были проведены глубинные полужформализованные интервью с местными жителями. По результатам тематического анализа выявлены ключевые концепции, объединяющие анализируемые позиции, а также обнаружены статистически значимые различия в обсуждаемых темах, особенно в вопросах личного восприятия города и стратегического видения его развития.

В основу сравнения двух оптик положена теоретическая рамка производства пространства А. Лефевра, что позволило нам структурировать экспертное восприятие как проявление концептуальных — «воображаемых» — репрезентаций, формирующихся в общем социальном контексте производ-

ства материальности города. С другой стороны, согласно данной оптике, позиция жителей может быть проанализирована в рамках идеи «обживаемого пространства» — как системы локальных особенностей восприятия и использования среды.

Проблема разрыва между экспертным взглядом и опытом местных жителей объясняется фокусом первых на абстрактных концепциях, рациональном планировании и технократической сущности проектных дисциплин. Неравное распределение экспертного и обыденного знания в формировании материального пространства усугубляется ограничениями партисипаторных методов, которые часто сталкиваются с барьерами, связанными с существующей структурой власти и неравномерным доступом к знаниям.

Для анализа общего контекста проектных репрезентаций «комфортного» города, нами также проведен анализ предлагаемых для арктических городов проектов. Так, несмотря на признание факта уникальности региона, феномен арктической архитектуры в нашей стране сегодня ограничивается преобразованием городской среды с опорой на мейнстрим или созданием закрытой среды взамен открытого общественного пространства. Мы выдвигаем гипотезу, что эти подходы основаны на продолжающейся попытке «присвоить» регион через его «комфортизацию», что актуализирует обращение к деколониальному анализу преобладающих проектных репрезентаций. Следовательно, проведенный анализ восприятия может стать основой для поиска концептуальной оптики, объединяющей экспертный стратегический взгляд и опыт обживания пространства местными жителями.

Е.Н. РОМАНОВА

ТОПОСЫ ХОЛОДНОГО МИРА

ВООБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В МОЛОДЕЖНЫХ ВЫСТАВКАХ *SCIENCE ART*

Известный антрополог Т. Ингольд, основоположник направления компаративной антропологии линий или экологии путей, анализируя отношение восприятия окружающей среды и поведение человека, приходит к важному заключению, что нет возможности определить, где заканчивается человеческий мир и начинается существующее независимо от первого природное, физическое пространство — поэтому и не следует противопоставлять друг другу сферы природы и культуры. Этот важный посыл ученого стал ключевым в создании общей концепции выставочных проектов студентов Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск).

Первым опытом художественного воображения «вечной» мерзлоты, отражающего разные ландшафты «переживаний» начинающих исследователей, стала Молодежная выставка-исследование «Человек СНЕЖНЫЙ» (2022). Центральная идея выставки заключалась в преобразовании северного пространства. Метафора «Человека Снежного» как художественный текст включала ПЕРЕПРОГРАММИРОВАНИЕ таинственного Снежного человека в Человека КРЕАТИВНОГО, создающего из бескрайнего пространства снега и льда новое МИРОЗДАНИЕ...

Коллективная память, сохранившая образ снежного человека-чучуны, является одним из самых значимых геообразов Севера. Фигура многоликого существа, связанного с ментальной картой холодной земли и символизирующего «ус-

кользающее наследие» народов Севера, рождает, в выставочном проекте, новые пространства воображения.

Одной из «пространственных» выставок стала молодежная выставка «Бесконечная белая линия» (2023), где в работах студентов и молодых преподавателей, посвященных разным топосам холодного мира раскрывается культура больших пространств — первородность Холода как одушевленной Вселенской стихии, где божественное и природное кодируют одно общее без[граничное], бес[крайнее] белое пространство.

В докладе на основе семиотического анализа молодежных работ, будут раскрыты концептуальные метафоры «линий» и новое мирочувствование в границах реального и воображаемого пространства Холода и вечной мерзлоты.

Н.А. Смирнов

ДОМИНАНТНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Российское современное искусство, от критического до более традиционного искусства союзов художников, фиксировано на воображении России в отличие от локального, регионального или интернационального воображения. Чаще всего это воображение России как особой целостности, опирающееся как в аффирмативных, так и в критических модулях на сходную семантику (де)сакрализации национальной и имперской географии. Генеалогия доминантного гео-воображения отсылает к реалистическому искусству эпохи национального строительства в Российской Империи второй половины XIX века. В СССР оно было доминантным в официальном искусстве и очень заметным в полуофициальных течениях вроде «левого МОСХа» и искусстве нонконформистов. В пост-советской России оно ярко проявилось в искусстве союзов художников и (нео)евразийстве. Критические попытки оспорить доминирующее гео-воображение часто представляют собой его негативную или трансгрессивную аффирмацию. Наиболее яркие вызовы доминирующему гео-воображению — это лево-интернационалистское и деколониальное локалистское воображение. Однако они нередко воспринимаются, соответственно, как часть имперского российского комплекса, особенно в бывших постсоветских республиках, либо опираются на тот же самый принцип гео-специфичности, но в другом пространственном масштабе. Все гео-воображения ведут борьбу за доминирование в общем дискурсивном и имажиналь-

ном поле. Как антагонистические артикуляции они находятся друг к другу в отношении «конституирующего исключения»: учреждая себя через отрицание другого, они в то же время являются силами постоянной взаимной дислокации. В терминах пространственных теорий Д.Н. Замятина, ситуация наличия и доминирования устойчивых способов воображения пространства может быть охарактеризована как «геократия», в то время как постоянно расширяющееся поле диалектически противоборствующих географических образов как «образный империализм».

Е.И. СПЕШИЛОВА

ВООБРАЖАЯ ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В исследовании анализируются различные дискурсы, которые репрезентируют воображаемое Великого Новгорода, созданные как «изнутри» — жителями города и городской администрацией, так и «извне» — путешественниками, блогерами, федеральными СМИ и т.д. Дискурсы о Великом Новгороде производятся на протяжении многих веков с точки зрения разных социокультурных, политических и иных оптик, накапливаются, дополняют и усиливают друг друга, однако иногда, напротив, друг с другом конкурируют. Данные дискурсы представляют собой системы знаков, которые репрезентируют идеи Великого Новгорода и подчёркивают оригинальность, специфичность того, чем является Новгород с точки зрения культуры. Так, например, за последние несколько десятилетий активно менялись или одновременно сосуществовали онтологические модели воображения (Замятин 2020: 51) Великого Новгорода как партнёра Ганзейского союза, исторического города, родины российской государственности, города-университета и т.п. Ролан Барт, рассуждая о некоторых городах, отмечал, что в них «существует постоянный конфликт между функциональными потребностями современной жизни и тем смысловым зарядом, который придала городу его история» (Barthes 1997: 167). Такая ситуация характерна и для Великого Новгорода, в котором интенсивно развивающиеся новые проекты нередко диссонируют с исторической средой. В исследовании показывается, что воображение Великого Новгорода как города-университета, которое сейчас конструируется в средствах массовой информации, пока не получило поддержки жите-

лей города. Воображаемое Великого Новгорода по-прежнему определяется прошлым: оно в первую очередь связано с такими концептами, как «история», «древность», «старина», «зарождение российской государственности», и осмыслением Новгорода как демократического, «вечевого» города, известного своими храмами, археологическими находками, грамотностью и свободолюбием простого народа, а также высоким торговым и политическим статусом в Средние века.

Ю.В. СТЕПАНОВА

РЖЕВСКИЕ ТУДОВЛЯНЕ

ОБРАЗЫ И ПРОСТРАНСТВО ЛОКАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Доклад посвящен представлениям о локальной группе населения, известной из научной и публицистической литературы под названием «ржевские тудовляне». Впервые эта группа населения, проживавшего в долине р. Тудовки (бассейн Волги) была выделена в середине XIX в. Языковые и бытовые особенности группы, сближающие ее с белорусами и населением Смоленской земли, фиксировались этнографами в первой половине XX в. в сложившихся на тот момент административных границах. Термин «тудовляне» перешел из специальной литературы в публицистику. В последней четверти XX в. и XXI в. появились краеведческие и публицистические работы, в которых особенности группы трактуются как унаследованных от «переселенных поляков» и даже древнего славянского населения. Картографирование группы тудовлян осуществлялось лишь в самом общем виде. Обращение к неопубликованным материалам переписей Бельского и Дорогобужского уездов второй половины XVII в. позволяет картографировать и оценить численность «литовских выходцев» в регионе. Места их выхода — преимущественно Витебск, Полоцк и в целом Белорусское Подвинье. Исследование дает дополнительные аргументы для характеристики части населения рассматриваемой территории в Новое и Новейшее время как потомков переселенцев «из-за литовского рубежа». При этом территория вовсе не ограничивалась бассейном р. Тудовки, а охватывала левобережье Западной Двины в бассейнах ее притоков Межи, Велесы и Березы и верховья Днепра. Однако, остается неясным, насколько существенными были языковые и иные культурные

различия между «литовскими выходцами» и местным населением в XVII в., учитывая пограничное положение данных территорий на протяжении длительного времени, с середины XIV по конец XVII века. Сложившийся образ «земли тудовлян» — в значительной мере производное научных исследований и публицистики XIX–XX вв. с опорой на ограниченный круг источников, что не отменяет объективных причин политического и административного характера в формировании этого пространства.

М.Ю. ТИМОФЕЕВ

ВООБРАЖАЯ ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ МАЛЫЕ ГОРОДА

СЛУЧАЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Стереотипные представления о малых городах (до 50 тыс. жителей) сводятся к таким характеристикам как «деревня с асфальтом», «патриархальность и консерватизм», все горожане друг друга знают, они просты и гостеприимны, воздух чист и воду можно пить из-под крана.

Из 17 городов Ивановской области 14 являются малыми. При этом историческими поселениями признаны три города (два средних — Кинешма и Шуя, а также Плёт).

Спецификой региона является то, что большая часть малых городов получила свой статус в советское время, являясь в XIX в. крупными конгломератами фабричных сёл и посёлков. Один из старых городов региона — Лух, являвшийся в своё время центром удельного княжества, утратил свой городской статус, древнейший город области, бывший уездный центр Юрьевец утратил в постсоветское время весь свой промышленный потенциал. В юго-восточной практически не вовлечённой в текстильное производство части области (за исключением города Южи) выделяются посёлок Палех, нередко причисляемый к малым городам и село Холуй, известные как центры иконописи и лаковой миниатюры.

Туристически привлекательный образ русской глубинки формируется за счёт двух малых приволжских городов — Плёса и Юрьевца, находящихся вдали от железных дорог, двух часто причисляемых к ним средних — Кинешмы и Шуи (исходя из практик Минстроя РФ, относящего к малым городам до 100 тыс. жителей), а также Гаврилова посада — ограда

ниченном по территории города во владимирском Ополье в 30 км от Суздаля.

В рамках концепций развития «Большого Золотого кольца» и «Большой Волги», разработанных в рамках проекта ВЭБ.РФ, особое место отводится именно образам русской глубинки, что предполагает эксплуатацию культурного наследия за рамками наследия индустриального, ярко выраженного в большинстве малых городов региона.

Н.Г. ФЕДОТОВА

ВООБРАЖАЕМЫЕ ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

В современном урбанистическом дискурсе все чаще возникают исследования, посвященные изучению вопросов восприятия современного города со стороны горожан. Данный аспект актуализирует проблематику городского воображаемого как совокупности реальных и виртуальных представлений горожан о городе. Концепция городского воображаемого опирается на научные положения Б. Андерсона, который раскрыл в своих работах понятие коллективного воображаемого, Э. Соджа, который показал, что город представляется людьми как реальный и воображаемый и А. Лефевра, полагающего, что человек проживает город на основании воображаемого. На основании данных теоретических положений город рассматривается нами как пространство, которое воображается и переживается людьми через континуум смыслов, образованный совокупностью представлений о городском пространстве и времени. Одним из направлений исследований в данном контексте является проблематика воображаемых границ города, которые существенно отличаются от границ физических.

Воображаемые границы современного города — это смысловые грани, которые символически кодируют то, что является городом и «не-городом» исходя из представлений горожан, несмотря на возможное присутствие данных объектов и практик в городской среде. Воображаемые границы города структурируются исходя из идентификационных кодов, детерминирующих сопричастность человека к городскому пространству и обеспечивающие воображаемую принадлежность незнакомых между собой людей к горожанам

и к городу. Кроме того, эти границы обусловлены содержанием культурной памяти города, определяющей структуру коллективных представлений о городе посредством актуализации в современной городской среде определенных образов прошлого. К «не-городу», который находится за воображаемыми границами, относятся все те объекты и практики городского пространства, которые ментально не связаны с представлениями горожан о городе.

А.К. ШАБУНИНА

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА В АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТАХ 1850–1880 ГОДОВ

В докладе рассматривается специфика репрезентации российского промышленного города в английской прессе средневикторианского периода. На примере городов Петрозаводск, Екатеринбург и Тула проводится сравнительный анализ частных дискурсов о городах. На материале большой статистически значимой выборке и с использованием междисциплинарного инструментария проводится контент-анализ упоминаний трех городов. Можно сказать, что восприятие пространства России идет через трансформирующуюся призму британских установок о городах и темпах промышленного производства. Тематическая репрезентация городов совпадала с общими задачами, которые ставила перед специальными корреспондентами английская пресса. Необходимо отметить и то, что в течении второй половины XIX в. происходит отход от колониального дискурса к сугубо «европейскому» в вопросе оценки русского города, где основным критерием становится его промышленная развитость и наличие газет. Своеобразным символом качества и одобрения для англичан становится сравнение и идентификация «английскости» в русском городе, специфичное узнавание, идентификация «своего» среди «чужого». Признавая город близким к положительным концептам английскости- *Englishness*, города начинают оцениваться через призму имманентных аксиологических концептов самого британского общества, как и при описании заводов Англии, акцент

делается на практичности, внедрение передовых технологий и условиях труда рабочих через понятные и близкие категории социальной действительности Британии. Так, к примеру, рефреном хорошего положения рабочих на заводах становится размещение условий труда русских рабочих в ценностно-бытовой дихотомии «еда — голод», свойственной британскому социокультурному и интеллектуальному пространству, на оформление которого в начале века оказали влияние домиллевские, прежде всего мальтузианские, идеи.

Г.В. ШПАК

ИГРЫ С ПРОСТРАНСТВОМ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В БРИТАНСКИХ ИГРАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

На протяжении XVII–XVIII вв. в Англии формируется индустрия, призванная обеспечить растущее население средствами проведения досуга. К ним относятся и образовательные игры — игральные карты, пазлы, настольные игры. Информация, представленная в играх, могла относиться к самым разным сферам, но в докладе будут представлены географические игры. Формат игры наделял географические карты особым смысловым уровнем, отличающимся от нарративного повествования. Каждое «прохождение» игры порождало новые воображаемые образы, создавая новый «эргодический» текст. Эмотивные установки, формируемые игрой, также наполняли пространство дополнительными смысловыми значениями. В докладе будут рассмотрены географические колоды карт, производимые в Англии как минимум с 1590 г., и настольные игры, основанные на так называемой «Игры в Гуся», ставшие особенно популярными в последней трети XVIII века.

А.С. ЩАВЕЛЕВ

МОДЕЛИ ИМАЖИНАРНОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XII ВЕКОВ

Пространственно-географические и ландшафтно-пейзажные элементы в древнерусской литературе неоднократно были предметом разнообразных, в основном литературоведческих, исследований (И.Н. Данилевский, А.С. Демин, А.Е. Елеонская, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Е.А. Мельникова, Б.Л. Никитин, А.Б. Никольский, А.М. Ранчин, Т.С. Соколова, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, А.Н. Ужанков, А.А. Шайкин). Общим местом в историографии стал тезис о том, что в нарративах древнерусских текстов второй половины XI – начала XIII в. были «прошиты» универсальные для средневекового христианского (и при этом пост-языческого) мировоззрения идеи *сакральности* (святости) и *греховности* (нечистоты), *свойскости* и *чуждости* тех или иных территорий или локусов. Констатировалось, что в структуре пространства древнерусского литературно-художественного мира идеально-воображаемая модель преобладала над реальной физической и культурной географией (Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев), точнее эта имажинарная модель включала в себя отдельные локусы или локации «реальной» географии в качестве достаточно абстрактных указаний-верификаторов в рамках «риторики правды» или для реализации некоторых других специфических нарративных функций. Однако выводить *все особенности* «географо-ландшафтного» дискурса древнерусских текстов только из комплекса идей «христианской топографии» с рудиментами «пост-языческой» мифологии было бы столь же просто и прямоли-

нейно, как считать их сугубо реалистическими описаниями географического пространства.

Вопреки установкам Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова *в древнерусской литературе домонгольского периода не было единой всеобщей концепции описания пространства*, доминирующего спационального дискурса, который бы тотально программировал то, как писатели должны репрезентировать воображаемые и реальные объекты природного и рукотворного ландшафта. В древнерусской литературе не было универсальной *метагеографии* или *философии пространства*, не было никакой «православной» или «общерусской» *идеологии и этики пространства* (Д.С. Лихачев). Не было у древнерусского автора и единой классификации локусов — конкретных точек пространства, играющих некую роль микро-мотивов в сюжетах. Напротив, в разных текстах можно встретить несколько различных *микромоделей* переработки спациональной или пространственной, а также «экологической», информации в конкретные жанровые нарративы.

Каждый древнерусский текст или группа схожих по жанру и хронотопу текстов обладали своей собственной *локальной метрикой*. Следует выделить в древнерусских текстах *пространство повседневности определенного места*, которое обладало вполне конкретными метрическими и хронологическими характеристиками дистанции и передвижения; *пространство перемещения по определенному пути*, которое можно назвать векторно-точечным или «портальным», но отнюдь не абстрактным, как в фольклоре; а также *пространство геополитической экспансии*, которое было идеологически мотивировано, но не абстрактно, ведь оно базировалось на устной традиции и сообщениях очевидцев, для которых было важно кто, когда и где был побежден, завоеван и подчинился народу русь и князьям Рюриковичам. Например, особые режимы генерирования художественной пространственности, с дистанциями, границами и социальным зонированием «читаются» в «Житие Феодосия Печерского», «новелле» о Яне Вышатиче из «Повести временных лет», отдельных историях «Печерского патерика», отчасти в «Поучении» князя Владимира Мономаха. Им закономерно

может быть противопоставлен пронизанный мифологией хронотоп «Слова о полку Игореве», основанный на конструктах идеально-абстрактного пространства и времени. В этом уникальном для имеющихся в нашем распоряжении памятников литературы маршрут пути главного героя князя Игоря Святославича, действительно, не может быть восстановлен в виду высокой степени поэтизации текста и художественной типизации всех описываемых ситуаций. Однако проецировать наблюдения над «Словом» на остальную древнерусскую литературу решительно невозможно.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАШЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь)

БЫЛЬЕВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА — кандидат политических наук, доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург)

ГОЛОВНЁВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

ГОЛОВНЁВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

ГОРНОВА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА — доктор философских наук, доцент Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО (Санкт-Петербург)

ДЖАКСОН ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

ДОБЖАНСКАЯ ОКСАНА ЭДУАРДОВНА — доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск)

ЕРЁМЕНКО АЛЁНА АЛЕКСЕЕВНА — преподаватель-ассистент РГГУ (Москва)

ЖИРНОВА ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА — научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России (Москва)

ЗАМЯТИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ — доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва)

КАЛУЦКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ — доктор географических наук, старший научный сотрудник, профессор Кафедры региональных исследований Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

- КОНОВАЛОВА ИРИНА ГЕННАДИЕВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КОРАНДЕЙ ФЁДОР СЕРГЕЕВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета (Тюмень)
- КРАВЧУК СВЕТАЛА ГЕННАДЬЕВНА* — кандидат искусствоведения, заведующая лабораторией арктического дизайна УГИ УрФУ (Екатеринбург)
- ЛАВРЕНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА* — кандидат географических наук, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва)
- МЕЛЬНИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МИТИН ИВАН ИГОРЕВИЧ* — кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва)
- ОКУНЕВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ* — кандидат политических наук, доцент, директор Издательского дома МГИМО МИД России (Москва)
- ОКУНЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат исторических наук, доктор Университета Париж-Сорбонна, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ПОДОСИНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ* — доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой древних языков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ПРОКОПОВА СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА* — младший научный сотрудник лаборатории арктического дизайна УГИ УрФУ (Екатеринбург)
- РОМАНОВА ЕКАТЕРИНА НАЗАРОВНА* — доктор исторических наук, руководитель Центра интеллектуальной истории и культуры Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, соруководитель Лаборатории геокультурного брендинга Арктического государственного Института культуры и искусств (Якутск)
- СВЕРДЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ* — аспирант Департамента психологии УГИ УрФУ (Екатеринбург)
- СМИРНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ* — художник, куратор, исследователь искусства (Кассель, ФРГ)
- СПЕШИЛОВА ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА* — магистр философии, магистр культурологии, научный сотрудник НОЦ «Гуманитарная урбани-

- стика» Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
- СТЕПАНОВА Юлия Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ТИМОФЕЕВ Михаил Юрьевич* — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета (Иваново)
- ФЕДОТОВА Наталья Геннадьевна* — доктор культурологии, доцент научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», заместитель проректора по образовательной деятельности Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
- ФИРСОВА Анастасия Владимировна* — кандидат географических наук, доцент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь)
- ШАБУНИНА Анастасия Константиновна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ШПАК Георгий Владимирович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)